

ВОЛЬНЫЙ ЛЕПЕХАРЬ

УЧЕНИК

СЕРГЕЙ КАРЕЛИН

ЕГОР ЗОЛОТАРЕВ

Вольный лекарь

Сергей Карелин

Вольный лекарь. Ученик. Том 6

«Автор»

«Автор»

2026

Карелин С. В.

Вольный лекарь. Ученик. Том 6 / С. В. Карелин — «Автор»,
«Автор», 2026 — (Вольный лекарь)

Добравшись до Тюмени, я решил остаток пути преодолеть на дирижабле. Это был самый быстрый способ добраться до Москвы. Однако и тут меня подстерегали опасности – корабль настигла жуткая гроза. Если бы я знал, что полет на «Альбатросе» превратится в ночной кошмар, то лучше пошел бы пешком...

© Карелин С. В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10

Егор Золотарев, Сергей Карелин

Вольный лекарь. Ученик. Том 6

Глава 1

Я все слышал, но не мог даже открыть глаза. Не знаю, что со мной, но тело больше не принадлежало мне. Не было никаких ощущений: ни холода, ни жара, ни прикосновений. Я слышал, как испугался Андрей, когда обнаружил меня, как он кричал мое имя, как умолял проснуться, как угрожал, что ударит, если я не открою глаза. Затем услышал удаляющиеся шаги, а чуть позже — топот нескольких людей. Узнал голос матроса, а потом и капитана. Все очень испугались за меня, пытались что-то сделать, но, судя по тому, что я так и не взял управление над телом — у них ничего не получилось.

Мне хотелось очнуться, успокоить всех, но сколько бы я ни пытался — все было тщетно. Тело Степана Устинова больше не слушалось меня, а я пребывал в какой-то тягучей тьме, которая будто нашептывала что-то. Иногда мне казалось, что издалека еле слышно доносится мерзкий хохот. Что это? Воображение разыгралось, или просто шутки того, кто несколько месяцев назад поместил мою душу в тело умершего парня?

Время шло. Голоса изменились, теперь я среди них не узнавал никого, зато услышал множество различных медицинских терминов, значения которых не понимал. Значит, меня привезли в больницу. Вместо того, чтобы продолжить путь и лететь на дирижабле в Нижний Новгород, я оказался в ловушке, которую сам себе устроил. Уж лучше бы умер, а не стал тряпичной куклой, которую, судя по звукам, то несут на носилках, то везут на телеге, то перемещают на каталке со скрипучими колесами. В общем, нынешнее положение дел мне совсем не нравилось, и я не имел никакого представления, как все это исправить.

Когда вокруг наступила тишина, я понял, что уже ночь. Сейчас, когда я остался один на один со своими безрадостными мыслями, мне стало еще хуже.

«Верни меня к полноценной жизни или убей окончательно!» — отправил я мысленный сигнал тому, кто явно наблюдал за мной, но не вступал в контакт.

Вдруг среди приглушенных звуков кашля и разговоров, доносящихся из других палат, я четко услышал, как скрипнула доска под чьими-то тяжелыми шагами. Кто-то зашел в комнату, в которую положили мое тело. Звук повторился, но уже совсем близко. Затем раздался щелчок, будто открывают чемодан. Затем — какое-то шуршание и шепот:

— Прощай, Устинов. Передавай привет тьме, которой служишь.

Что? Кто это? Что намерен дела...

Острая боль пронзила меня. Это было так неожиданно и мучительно, что я заорал во все горло и... открыл глаза. Рот продолжал кричать дурным голосом, а надо мной недоуменно уставившись, нависал неизвестный мужчина с усиками.

Совладав с собой, он поднял руку, в которой блеснуло окровавленное лезвие. Следующий удар пришелся по подушке, ведь я, еще не до конца понимая, что происходит, просто откатился в сторону и упал с кровати.

Все чувства и ощущения вернулись. Я снова стал самим собой, но с глубокой раной в груди, из которой вниз по телу стекала теплая кровь.

Вскочив на ноги, я первым делом нарисовал на ладони руну «Исцеления». Я ее рисовал уже столько раз, что на это у меня уходило не больше двух секунд. Руна активировалась, подавив теплую волну энергии, которая ринулась по телу.

— Кто ты такой? Почему хочешь убить меня? — выкрикнул я, судорожно соображая, как защититься от безумца, что напал на меня с ножом. В палате кроме кровати находились тумбочка с различными бутылками на столешнице, стол у окна и табурет под ним.

Мужчина не ответил. Убрав нож в карман белого халата, он снова полез в чемодан, скорее всего, за другим оружием, но я не намерен был давать ему еще один шанс убить меня. Метнувшись к столу, схватил табуретку и запустил в него.

Летающий табурет мужчина увидел, но уже было слишком поздно. Глухой удар, и он отшатнулся назад. Этой заминки мне хватило, чтобы в два прыжка очутиться рядом и прицельными ударами в солнечное сплетение и по шее на время обезвредить незнакомца. Согнувшись, он захрипел и схватился за горло, а в это самое время в палату забежала пожилая медсестра и молодой мужчина в костюме рабочего.

— Ох ты батюшки! Что же это творится?! Убийца! — закричала медсестра, переводя взгляд с меня на мужчину. Затем бросилась ко мне и на ходу велела рабочему: — Свяжи убийцу, а я пока мальчику помогу.

Схватив с кровати белоснежное вафельное полотенце, она прижала его к моей окровавленной груди и, тяжело дыша, протараторила:

— Успокойся. Не волнуйся. Все будет хорошо. Сейчас я доктора позову, он все зашьет. А пока пошли в процедурную, там светло.

— Я спокоен. Рана неглубокая, поэтому...

— Как же это неглубокая, если столько кровищи?! Пошли, не упрямясь. Игла тонкая, больно не будет, а если будет — потерпишь, — она взяла меня за руку и потянула за собой к двери.

Рабочий же в это время прижимал коленом к полу несостоявшегося убийцу и перевязывал ему руки своим поясом.

Когда я проходил мимо распластавшегося мужчины, усы которого валялись на полу, то остановился и, склонившись над ним, задал лишь один вопрос:

— Кто нанял?

Тот зло поджал губы, шумно выдохнул и уставился перед собой. Понятно, выдавать заказчика не намерен. Если бы здесь не было посторонних, я бы нашел способ все выведать, но медсестра продолжала с силой тянуть меня в коридор и прижимать полотенце к груди.

— Пойдем-пойдем, миленький. Это что ж за дела такие творятся? Ох ты батюшки, — причитала она, с тревогой посматривая на меня.

Мы пришли в процедурную, где она уложила меня на кушетку, велела прижимать полотенце к ране и убежала куда-то. Я нарисовал еще несколько рун, чтобы облегчить свое состояние, и с радостью отметил, что снова могу пользоваться своим телом и магической энергией. Как же хорошо жить, а не просто существовать где-то во тьме!

Через несколько минут медсестра вернулась в сопровождении пожилого лекаря. Оба тяжело дышали и выглядели встревоженными. Лекарь быстро помыл руки, подошел ко мне, расстегнул мою напитанную кровью больничную рубашку, раскрыл ее и недоуменно уставился на розовую полосу на груди, где еще недавно была глубокая рана.

— Не понял, — выдавил он и на всякий случай рассмотрел живот, подмышки и спину. — А где рана-то?

— Как это «где»? Прямо на груди, там, где сердце, — медсестра, которая в это время пропитывала вату какой-то терпко пахнущей жидкостью, подошла к нам и указала на розовую полосу. — А...

Она взяла со стола масляную лампу и поднесла ко мне.

— Откуда столько крови? Кто-нибудь мне объяснит, что вообще здесь происходит? — лекарь сердито посмотрел на медсестру, которая выглядела шокированной и беззвучно то открывала рот, то закрывала.

— Не знаю... Была рана, — наконец выдавила она.

Я понимал, что нужно как-то объясниться, ведь медсестра говорила правду, поэтому поднялся с кушетки и сказал:

— Рана была, но я ее вылечил с помощью своей магической способности.

— Чего? — лекарь и медсестра озадаченно уставились на меня.

— Я — сибирский знахарь и умею лечить знаками, — терпеливо объяснял я. — Меня серьезно ранили, но мне удалось остановить кровь и заживить ткани.

— Это невозможно. Тем более за такое короткое время, — упрямо заявил лекарь.

— Но вы же сами видите, что возможно. Наверняка осматривали меня, как только я попал к вам в больницу, — пояснил я и поднялся на ноги. — Но сейчас меня куда больше волнует нападавший. Нужно поговорить с ним и выяснить, кто он такой и за что хотел убить меня.

— Не надо тебе туда ходить, — твердо сказал лекарь. — Пусть с ним городовые разбираются. Сейчас мы отправим кого-нибудь и...

— Мне ничего не угрожает, ведь нападавшего скрутили и связали. Больше он не сможет причинить вреда, — ответил я, забрал у медсестры лампу и двинулся к палате.

Меня сразу насторожила тишина, которая царила за дверью.

— Стойте здесь, — велел я лекарю и медсестре, следовавшим за мной. Лекарь снова хотел возразить, но я уже взялся за ручку двери.

Осторожно заглянув внутрь, увидел рабочего. Тот лежал навзничь, раскинув ноги и руки. Его горло было перерезано. Бандита в комнате не было, а окно настежь открыто.

— Сбежал, — разочарованно выдохнул я и быстро подошел к мужчине, но тот уже умер, поэтому ничем не мог помочь. Очень жаль. Убийца все-таки унес жизнь, хоть и не мою.

Далее следовала длинная ночь разбирательств. Пришли городовые, которые расспросили сначала меня, затем медсестру с лекарем.

Рабочего перенесли в морг, палату вымыли, окна заперли изнутри и велели мне дожидаться утра здесь и не покидать больницу, пока городовые не разрешат.

Сердобольная медсестра принесла мне горячую кашу с большим куском сливочного масла, расплывающегося желтым пятном, ломоть белого хлеба и кружку горячего сладкого чая.

Поев, я лег в кровать и вскоре заснул. Сон был поверхностный и сумбурный. Я то просыпался, то снова засыпал. Мне все казалось, что снова могу потерять управление над телом, а этого никак нельзя допустить — я очень ценил жизнь.

Утром, когда дверь палаты начала медленно открываться, я вмиг проснулся и вскочил на ноги, готовый снова схватиться за табурет.

— Степа! Очнулся! — это были Андрей и Илья Петрович.

Словами не описать, как они были рады моему пробуждению. Андрей даже расплакался от радости, а Илья Петрович меня так крепко обнял, что я испугался за сохранность своих ребер.

Когда они узнали о ночном нападении, то сильно встревожились. Андрей тут же предложил нанять охранника. Илья Петрович начал расспрашивать про особые приметы, чтобы дать задание матросам отыскать негодяя.

— Не надо его искать. Он хороший маскировщик. Усы свои накладные на полу оставил, — хмыкнул я.

— Слушай, а может, тебя с кем-то перепутали? — задумчиво проговорил капитан.

— Нет, не думаю. Он хотел добить меня, когда понял, что с одного удара не получилось.

— Кому же ты успел насолить?

— Понятия не имею. Эх, зря упустил его, теперь даже не знаю, с какой стороны ждать очередного нападения.

— Думаешь, он еще раз попытается? — напрягся Андрей.

— Да. Его лицо я видел впервые, значит, мы не встречались. Либо его наняли, либо какие-то личные счеты. Другого предположения у меня нет.

— Может, это сын той старухи, которую ты поймал в Сургуте? — предположил Андрей.

— Не думаю, что он бы смог быстрее нас добраться из Тобольска в Тюмень, — покачал головой капитан. — Степа, ты лучше расскажи, что с тобой случилось? Почему был без сознания?

— Сил своих не рассчитал, — я решил не вдаваться в подробности. — Слишком много энергии потратил.

— А ведь ты меня вылечил! — Андрей всплеснул руками. — Сегодняшней ночью я впервые за последние годы не проснулся от приступа. Это значит лишь одно — приступа не было!

— Рад, что смог помочь, — улыбнулся я, когда Андрей с жаром потряс мою руку, просто сияя от счастья.

— Погоди-ка, получается, что ты очнулся, только когда этот подонок в тебя нож воткнул? — озадаченно нахмурил брови Илья Петрович.

— Да. Именно боль привела меня в сознание.

— Невероятно, как все запутанно.

Они дождались, когда снова пришли городовые и, уточнив у меня некоторые моменты, отпустили. Переодевшись в свою одежду, я вышел на улицу, где возле извозчика уже ждали Андрей и Илья Петрович.

— Предлагаю отметить последние события, — сказал капитан, когда мы забрались в довольно мягкую карету. — Я имею в виду не нападение, а возвращение к жизни и чудесное излечение от неизвестной болезни, — тут же поправился он.

— Кстати, Степа, ты говорил, что во мне живет какой-то паразит. Как он выглядел? — вполголоса спросил Андрей, когда извозчик стеганул плетью двух лошадей и те бодро поскакали по мостовой в сторону трактира, который назвал капитан.

— В тебе жила магическая сущность, которая по ночам вылезала подкормиться, — будничным голосом ответил я, рассматривая из окна роскошный дом, мимо которого мы проезжали.

— Магическая сущность? Что это вообще такое? — хмыкнул Андрей, но глаза оставались серьезными.

— Сущность как паразит подселается в тело человека и питается его жизненными силами. Одно только непонятно: куда она пряталась? Ведь раньше я сразу видел этого паразита в теле человека.

— Значит, это правда - во мне жил паразит, — выдохнул Андрей, с широко раскрытыми глазами уставившись перед собой. — Я слышал про глистов-паразитов, но чтобы какая-то сущность... А как она выглядела?

— Черная тварь с жгутиками, которые обвивались вокруг твоего позвоночника. По всему выходит, что приступ случался, когда она выходила из убежища и начинала питаться.

— Какие ужасы ты рассказываешь. Лучше бы я этого не знал, — я заметил, как его передернуло от отвращения. Понимаю. Сам бы не хотел, чтобы во мне кто-то жил.

Хм, а можно ли меня считать паразитом, ведь я тоже подселился в чужое тело? Нет, нельзя! Я не разрушаю это тело, а наоборот, укрепляю и забочусь, ведь оно теперь мое собственное.

Примерно через двадцать минут мы остановились у трактира с громким названием «Золотая пава». Илья Петрович, по его признанию, не раз бывал в этом трактире, поэтому пробовал почти все блюда и точно знает, что заслуживает внимания, а что лучше не заказывать, поэтому мы с Андреем доверились ему. Капитан перечислил мальчишке-слуге названия блюд и попросил принести графин коньяка.

В «Золотой паве» мы просидели до самого вечера. Сытые и довольные, мы вышли из трактира и, дожидаясь извозчика, договорились завтра увидеться за завтраком в этом же месте, ведь, как выяснил Андрей, ближе к обеду дирижабль вылетал из Тюмени в Нижний Новгород. И я должен был оказаться на этом дирижабле.

— Даже не верится, что нам придется расстаться. На душе сразу как-то скверно становится. С тобой мне надежнее, что ли, — признался Андрей, когда мы посадили опьяневшего Илью Петровича в экипаж и отправили к причалу, а сами пешком двинулись в сторону постоянного двора.

— Если понадобится помощь, ты всегда можешь ко мне обратиться. Приеду и вылечу, — заверил я и похлопал друга по плечу.

— Вот ведь как все обернулось. Я больше чем на десять лет старше тебя, а вместо того, чтобы помогать, сам постоянно нуждаюсь в твоей помощи. Даже странно как-то.

— Что же в этом странного, если я знахарь? Вот если бы я был сапожником, а ты обратился ко мне с болячками, тогда было бы странно, — улыбнулся я.

— И то верно, — кивнул он. — Завтра утром до завтрака сходим в одно место.

— Куда это?

— В банк. Я должен расплатиться с тобой за все, что ты для меня сделал.

— Я не ради денег...

— Знаю, но серьезно обижусь, если не примешь мою благодарность, — предупредил он и строго посмотрел на меня.

— Ну ладно, как скажешь.

На постоялом дворе он заранее с расчетом на меня снял комнату с двумя кроватями и личным душем, поэтому первым делом я пошел мыться. Натерся докрасна лыковой мочалкой и душистым мылом, смыл его теплой водой и надел все чистое. После этого почувствовал себя гораздо лучше, будто с водой ушли все тяготы и невзгоды последних дней.

Андрей отдал мне голубой камень и объяснил, что спрятал его в своих вещах на всякий случай, ведь не знал, чего еще можно ожидать от жандармов.

Перед сном мы спустились в трактир, где выпили по чашке чая со сдобными булками и бужениной. Как только лег в мягкую постель с чистым бельем, так сразу глаза начали слипаться. Андрей мне что-то рассказывал, но я уже не слышал, окунувшись в сладкий сон.

На следующее утро мы пошли в банк. По пути Андрей объяснил, что не хочет выдавать деньги сейчас, ведь мне еще предстоит несколько дней пути и может произойти всякое. Вместо этого он мне выпишет какую-то бумажку с печатями банка, его именем и подписью, где будет указана сумма, которую я смогу получить, когда отнесу эту бумажку в банк в Москве.

Я согласился, что так будет лучше. Работник банка — услужливый пожилой мужчина в черном костюме — выдал Андрею бланк, где тот в строке «сумма» написал «двести рублей».

— Так много? — удивился я, когда он отдал мне бумажку.

— Не так уж и много. Если понадобится еще — только напиши.

— Спасибо.

Мы обменялись рукопожатиями, поймали извозчика и поехали к трактиру. Через три часа я должен попрощаться с людьми, с которыми провел последние несколько недель, и вылететь на дирижабле в Нижний Новгород. Что меня там ждет? С кем еще сведет судьба? Чувствую — будет нелегко.

Глава 2

Родион Петрович Рачков лежал на мягкой постели в дорогой гостинице и прокручивал в голове вчерашнее происшествие. В первый раз за всю его многолетнюю практику объекту удалось остаться в живых. Более того, тот смог скрутить его, и сделал это довольно профессионально. А ведь вначале этот тщедушный паренек казался самой легкой добычей. Прикованный к постели, он вдруг ожил. Как такое возможно? К тому же оказался довольно прытким и сильным. А может, его кто-то предупредил, и он ждал нападения?

С раздражением выдохнув, Рачков сел и, мотнув головой, еле слышно проговорил:
— Нет, не может этого быть. Никто не знал о моих планах, даже сам архимонах.

Он подошел к шкафу, в котором на деревянных плечиках висели его вещи. Взяв серый костюм внимательно осмотрел его, стряхнул шерсть кота, прилипшую к штанине, и положил на кровать. Затем достал из саквояжа шкатулку с накладными усами, пудрой и прочими косметическими средствами, позволяющими менять облик.

Наемник всегда придерживался одного важного правила — чтобы отвлечь внимание от своей настоящей внешности, должно быть что-то, на чем будет фокусироваться взгляд, и, самое главное, от чего потом можно легко избавиться. Усы и очки — всегда остаются в памяти. Как и темное родимое пятно на щеке или бородавка на носу. Эти приметы запомнят и передадут другим, поэтому стоит лишь убрать накладные усы или стереть пятно, как тебя уже никто не узнает.

Приняв душ, во время которого он нанес на волосы и брови черную краску, превратившись в жгучего брюнета, Рачков подошел к зеркалу и черным масляным карандашом аккуратно нарисовал родинку над губой.

— Добрый день, не могли бы вы подсказать, покупал ли билет мой младший братец? — с южным акцентом произнес он, присматриваясь к себе. — О-о, я хорошо заплачу за информацию. Хватит пяти рублей за такую незначительную услугу?

Ему понравилось, как он преобразился, поэтому со спокойным сердцем Родион Петрович сложил свои вещи в саквояж и вышел на улицу с намерением остановить извозчика и поехать к вокзалу. Он несколько не сомневался, что дальнейший путь знахарь продолжит на дирижабле, ведь это был самый быстрый способ добраться до Москвы.

Мы с Андреем зашли в трактир и сразу же увидели капитана, который замахал нам рукой, помогая службе выкладывать с подноса множественные тарелки.

— Приветствую, Илья Петрович. К нам еще кто-то присоединится? — спросил я, удивленно осматривая стол, который буквально ломился от яств.

— Здравствуй, Степа, — он по очереди пожал нам руки. — Нет, никого больше не будет. Это все нам. Завтрак — самый важный прием пищи, — нравоучительно проговорил он, подняв указательный палец, будто хотел придать больше веса словам. — Тем более тебе предстоит лететь на дирижабле, а там еда скудная. Не хотят лишний груз поднимать на борт, поэтому выбора никакого. Хоть здесь отъешься, а что останется — с собой возьмешь.

Я никогда не летал на дирижаблях и плохо представлял себе, что это за транспорт такой. В моем мире люди не летали в небе, а только мечтали об этом. Именно поэтому я набросился на своих друзей с вопросами. Те терпеливо объясняли, но также предупреждали, что дирижабль хоть и самый быстрый транспорт, но все равно опасный. Например, есть риск взрыва газа, пробойны, отказа двигателя и тому подобное. В этом случае все кончается плохо для всех, кто находится на корабле.

— Как часто дирижабли падают? — осторожно спросил я.

— Не часто, но бывает, — ответил Андрей, доедая блины со сметаной. — Года два назад под Петербургом упал.

— И? Кто-нибудь выжил? — я отложил ложку и уставился на него.

— Нет, все погибли. Их еще долго найти не могли. Недели две искали. В чем причина, так и не выяснили. Дирижабль упал на деревья, поэтому много различных повреждений получил. Вроде что-то внутри прогорело. Хорошо хоть на лес пожар не перешел, а то там деревень рядом много — еще больше горя было бы.

— Фух-х-х, ну и страсти, — выдохнул я.

От самой мысли, что меня поднимут высоко в небо, уже становится не по себе, а после рассказов Андрея вообще появились сомнения насчет правильного выбора транспорта.

— Ну ты уж совсем запугал нашего парня, — усмехнулся Илья Петрович, вытер губы льняной салфеткой и привалился к высокой спинке стула. — Не слушай ты его, Степа. Десятки дирижаблей каждый день летают по небу, и ничего — благополучно добираются до места. Да, беды случаются, но ведь никто не застрахован. Сколько кораблей в море утонуло со всем экипажем и пассажирами — не сосчитать. На дороге тоже много опасностей. Пару месяцев назад читал в «Вестнике», что в Иркутске люди пропадали, а потом их находили безголовыми. Зверь какой-то на них охотился. Сейчас не вспомню, сколько человек убил этот гад, но точно больше двух десятков. Смерть всегда рядом и только ждет удачного момента, чтобы жизнь нашу забрать. Лети, Степа, на дирижабле и ничего не бойся, — он похлопал меня по плечу. — От всего не убережешься, а быстрее дирижабля еще ничего не придумали.

— А поезд как же? От Москвы до Петербурга — день пути, — вставил Андрей.

— Я слышал, что и в Нижний Новгород дорогу тянули, только не знаю, закончили или нет.

— Не читал об этом. Но ты, Степа, когда в Нижний прибудешь, первым делом про поезд узнай. Надежнее транспорта нет, — посоветовал Андрей и взглянул на свои карманные часы. — Пора собираться и ехать на вокзал.

Илья Петрович взял с меня слово, что я не пропаду и буду хотя бы изредка писать ему. Напоследок он меня крепко обнял и еще раз поблагодарил за помощь, которую я оказывал в пути.

— Пообещай, что станешь великим лекарем, о котором будет трубить вся империя! — взяв меня за плечи, торжественно проговорил он.

Мы уже стояли на улице, поэтому на нас с интересом косились прохожие.

— Как я могу пообещать такое? — пожал я плечами. — Я даже не уверен, что смогу поступить, ведь знаний не хватает, а времени на подготовку совсем не осталось.

— Зато в тебе много других качеств, которые гораздо более важные, чем знания из учебников. Если с первого раза не получится поступить — не отчаивайся и продолжай готовиться. В следующем году уж точно поступишь. А я, как и обещал, обязательно напишу своему знакомому. Он хоть и отошел от дел, но связей хватает, чтобы оказать мне услугу и помочь тебе с поступлением.

— Спасибо, Илья Петрович, — мы обменялись рукопожатиями.

Андрей уже поймал извозчика, поэтому мы сели в экипаж и поехали к постоялому двору за моими вещами.

Вокзал для дирижаблей поражал масштабом. Справа за кирпичным зданием высились мачты и растяжки, слева располагались огромные ангары с высокими воротами.

— Впечатляет, правда? — с довольным видом спросил Андрей, который вызвался проводить меня.

— Да. Если честно, даже не думал, что здесь все так устроено.

— Насмотришься еще, пошли за билетом, — он закинул себе на плечо мешок с вещами и двинулся в сторону кирпичного здания.

В отличие от причала народу здесь было довольно мало. Два извозчика со скучающим видом прохаживались неподалеку. У забора, опоясывающего всю территорию вокзала, стояли трое рабочих в грубых бушлатах.

Над двустворчатыми дверями здания вокзала висела вывеска: «Императорский воздухоплавательный вокзал города Тюмени». А снизу, более мелким почерком, предупреждение: «Курение воспрещено. Огонь не допускать».

Мы зашли внутрь, и в лицо сразу пахнуло прохладой, какая бывает только в каменных зданиях. Прямо перед нами находился выход во двор, слева — ряды скамеек, на которых сидели пассажиры с вещами и в нетерпении поглядывали на большие настенные часы. Справа в кассовом окошке виднелся пожилой мужчина с пышными поседевшими усами. Он ловко перебирал билеты, сортируя их в три самодельные коробочки.

— Тюмень — Нижний Новгород есть билеты? — спросил у него Андрей.

Мужчина поднял палец, призывая к тишине, распределил оставшиеся билеты и только после этого поднял голову и посмотрел на нас.

— Я спрашиваю, есть ли билеты на рейс Тюмень...

— Слышал, не глухой, — угрюмо ответил кассир и взглянул на первую коробочку. — Места есть. Сколько надо?

— Один, — ответил я, снял рюкзак и вытащил приготовленные на дорогу деньги.

— Сорок пять рублей, — озвучил он и вопросительно уставился на меня, будто ожидая, что я откажусь.

Однако Андрей предупредил меня о высокой стоимости билета, поэтому я несколько не удивился и, отсчитав нужную сумму, протянул ему деньги. Кассир еще раз при мне вслух все пересчитал, убрал деньги куда-то под стол и выдал мне билет — жесткий картонный пропуск с номером.

— Вещей много? — спросил кассир, приподнявшись с места и взглянув на рюкзак в моих руках.

— Еще мешок, — ответил я и указал на Андрея.

— Надо взвесить. Если перебор — придется платить за каждый килограмм отдельно.

— Чего ж так строго-то? — возмутился Андрей. — Цена за билет и так велика, еще за вещи деньги гребете!

— Положено, — строго проговорил кассир и вышел из своей каморки. — Дирижабль — не лошадь, выше нормы не положишь и плеткой не стеганешь. За перегруз жизнями расплачиваются.

Он указал мне на большие весы, рядом с которыми стояли чемоданы, саквояжи и мешки с почтой.

— Клади, глянem.

Я положил на железную площадку весов мешок, набитый вещами и книгами, а сверху рюкзак. Кассир, прищурившись, посмотрел на стрелку, указывающую вес.

— Тютелька в тюtelьку. Еще полкило, и пришлось бы платить, — сказал он и сделал пометку в журнале, лежащем рядом на небольшом столике.

Вернувшись за свой стол, он выписал тонкую квитанцию на багаж и предупредил, что посадка начнется через полчаса.

— Я бы полетел с тобой, но дел накопилось. Нужно еще с партнером связаться и порешать вопросы по поводу парохода. Из последнего рейса я точно вынес две главные задачи: оборудовать медпункт, посадить туда грамотного лекаря и взять одного представителя власти в штатском, который будет следить за тем, что происходит на борту, и, если понадобится, вмешается. Я бы не отказался от руномага, но ты занят, а про других я не знаю, — он печально улыбнулся и поджал губы, будто хотел еще что-то сказать, но передумал.

— После того, что мы перенесли на «Графине», я думаю, что плавание — не мое, — усмехнулся я. — Хотя, если вспомнить все, что было на моем пути, езда на лошади тоже не мое. Посмотрим, как покажет себя дирижабль.

— Не думай о плохом, — махнул рукой Андрей. — Лететь примерно сутки, не больше. Завтра в это же время будешь в Нижнем Новгороде. Найди телеграф и телеграфируй мне, я пробуду здесь примерно неделю. А потом отправь сообщение из Москвы. Я хочу знать, где ты и что с тобой происходит. Чувствую ответственность, будто ты мой младший брат.

— Ты тоже будь осторожен и береги здоровье.

— Слушай, Степа, — Андрей понизил голос и наклонился ко мне. — Как уберечься от этих сущностей? Ведь как-то же забралась в меня эта дрянь.

— Не знаю, — признался я. — Один раз я столкнулся с сущностью, которая пыталась перебраться от больного человека мне в голову, но вовремя увидел ее и принял меры. Обычный человек не сможет увидеть сущность, поэтому...

— То есть ты хочешь сказать, что мы беззащитны против этих тварей? — возмутился Андрей.

Некоторые пассажиры с интересом повернулись к нему, прислушиваясь.

— Получается, что так, — кивнул я. — По крайней мере, я не знаю способа защититься от них без способностей руномага.

В это время из двери, что выходила во внутренний двор вокзала, показался крупный мужчина в голубой форме и, оглядев пассажиров, громогласно объявил:

— На Новгород!

Все поняли, что это значит, и, прихватив вещи, двинулись к нему.

— На трапе не задерживаться. Руки от перил не отнимать, вниз не смотреть, — предупредил он, строго оглядев каждого. — Подол подобрать, чтобы не споткнуться. Детей держать крепко.

К мужчине, по виду напоминавшему надзирателя, подбежал кассир с бумагой в руках.

— Полупустой. Тридцать восемь человек.

— Хорошо, меньше шума, меньше груза. Домчимся быстрее, — «надзиратель» забрал список и принялся выкрикивать имена.

Люди подходили к нему с паспортами. Сверившись со списком, он пропускал их за дверь.

— Ну что ж, прощай, Степа. Не забывай писать мне, — погрустнел Андрей.

— Напишу. Не переживай за меня. Надеюсь, еще когда-нибудь свидимся, — улыбнулся я, но улыбка получилась кривой. Мне совсем не было радостно, ведь снова приходится расставаться с человеком, которого могу назвать другом.

— Обязательно. Даже не сомневайся, — мы пожали друг другу руки, крепко обнялись, и я двинулся к двери.

Как только вышел на улицу, увидел его — дирижабль. Даже дух захватило. Корабль стоял, привязанный у толстой мачты, и походил на огромную рыбину. Его оболочка блестела, по швам шли толстые полосы темного цвета, скрепляющие ткань. Снизу находилась гондола — длинная, деревянная, с узкими окнами и бронзовыми фонарями. Позади виднелся огромный винт.

— Ух ты, — выдохнул я, не в силах оторвать взгляд от необычного судна.

— Не стой! Проходи дальше! — крикнул кто-то сзади.

Поправив на плече рюкзак, двинулся вслед за пассажирами, готовящимися к посадке.

Кроме мачты дирижабль удерживали лебедки, которыми орудовали рабочие вокзала. Канаты скрипели и шлепали, слышалось тягучее дыхание паровой лебедки. Поднявшийся ветер свистел, раздувая полы старого кафтана, будто хотел сорвать гиганта с места и унести высоко в небо. Мне вдруг стало не по себе, все стало казаться таким неустойчивым и ненадежным, что возникли сомнения в правильности выбранного пути.

Однако я глубоко вздохнул и продолжил идти вслед за пассажирами, уговаривая себя потерпеть всего одни сутки, после чего я снова окажусь на твердой земле.

— Осторожно! Шире шаг! Не наступайте на трос! — проревел сквозь ветер «надзиратель», идущий за нами следом.

У трапа, перекинутого с помоста на широкую дверь гондолы, стоял еще один мужчина в такой же форме, что и остальные, а также со значком на груди в виде серебряного дирижабля. Он проверял билеты и пропускал на трап.

— Номер? — спросил он и протянул руку.

Он был так спокоен, будто его совсем не тревожил сильный ветер и натянутые тросы, что скрипели, удерживая дирижабль.

— Семнадцать, — ответил я и показал билет.

Тот внимательно на него посмотрел и кивнул, указав мне на трап. Я взялся за перила, сделанные из толстого каната, и наступил на доску. Трап дрогнул и чуток качнулся под моим весом.

Я шумно выдохнул и двинулся вверх, стараясь не смотреть на землю, которая с каждым шагом отдалялась от меня. Когда добрался до середины трапа, волнение усилилось. Дирижабль будто жил своей жизнью, покачиваясь и реагируя на движение людей. Я цеплялся за перила так сильно, что вскоре почувствовал жжение на ладони из-за стертой кожи.

Когда до гондолы оставалось не больше метра, я увидел еще одну табличку, прикрепленную к борту: «Не открывать клапаны! Не трогать рукоятки! Не подходить к машинному отделению!» От этих предупреждений недоверие к этому транспорту лишь усилилось. Руночерть задери! Может, мне все-таки спуститься и продолжить плыть по реке или нанять экипаж?

— Не могли бы вы ускориться, а то мне страшно, — слышался сзади слабый девичий голосок.

Обернувшись, увидел девушку лет шестнадцати. Она испуганно посматривала вниз и держалась за перила двумя руками. Пришлось ускориться. Тем более за мной шли еще человек десять. Последним поднимался господин с черными как смоль волосами. Я обратил на него внимание еще в зале ожидания, но никак не мог вспомнить, кого он мне напоминает.

— Добро пожаловать на борт «Альбатроса», — мне улыбнулся молодой мужчина. — Займите свое место, скоро вылетаем.